

Оглавление

ОТ ИЗДАТЕЛЯ	11
ГЛАВА 1. ЧЕЛОВЕК ЗАВИДУЮЩИЙ	13
<i>Мир с точки зрения завистника</i>	15
<i>Одиночество завистливого человека</i>	19
<i>Везение и невезение</i>	20
<i>Вытеснение концепта зависти?</i>	24
<i>Как если бы зависти не было</i>	27
ГЛАВА 2. ЗАВИСТЬ В ЯЗЫКЕ	29
<i>Зависть и ревность в английском языке</i>	29
<i>Зависть и соперничество</i>	33
<i>Каузальный бред в зависти</i>	36
<i>Одно немецкое определение</i>	37
<i>Зависть в поговорках</i>	39
<i>Выявление мотива зависти</i>	43
<i>Признание в зависти</i>	45
ГЛАВА 3. ЗАВИСТЛИВЫЙ ЧЕЛОВЕК И ЕГО КУЛЬТУРА	47
<i>Есть ли общества, свободные от зависти?</i>	48
ГЛАВА 4. ЗАВИСТЬ И «ЧЕРНАЯ МАГИЯ»	55
<i>Зависть и подозрения в колдовстве</i>	57
<i>Враг среди нас</i>	61
<i>Ловеду</i>	64
<i>Конкуренция невозможна</i>	67
<i>«Черная магия» по отношению к незнакомцам:</i>	
<i>зависть к более легкому будущему других</i>	69
<i>Зависть между поколениями</i>	72
ГЛАВА 5. РАЗВИВАЮЩИЕСЯ СТРАНЫ: БАРЬЕР ЗАВИСТИ	75
<i>Институционализованный зависть</i>	75
<i>Страх перед «дурным глазом»</i>	81
<i>«Любой, кто помогает мне, — мой враг»</i>	82
<i>Покупатель — это вор</i>	84
<i>«Потеря лица» в Китае и избегание зависти</i>	87
<i>Привычное избегание ненависти и сдерживание развития</i>	89

<i>Зависть в качестве барьера для вертикальной мобильности в этнически стратифицированных обществах</i>	91
<i>Преступление лидерства</i>	92
<i>Страх перед успехом</i>	95
ГЛАВА 6. ПСИХОЛОГИЯ ЗАВИСТИ.	99
<i>Взгляды Зигмунда Фрейда на зависть</i>	102
<i>Социальная функция сексуальной ревности.</i>	109
<i>Иные психоаналитические аспекты</i>	111
<i>Вина и стыд</i>	113
<i>Стремятся ли животные избежать зависти?</i>	115
<i>Другие этологические исследования агрессии</i>	118
<i>Ранг в иерархии</i>	120
<i>Социально-психологические эксперименты и реальность зависти</i>	123
<i>Конформизм и страх перед завистью</i>	125
<i>Эксперимент с бахвалом</i>	127
ГЛАВА 7. ВЗГЛЯД СОЦИАЛЬНЫХ НАУК НА ЗАВИСТЬ	133
<i>Индивид и группа</i>	134
<i>Власть и подчинение.</i>	136
<i>Зависть в социологии конфликта</i>	138
<i>Конфликт без зависти</i>	140
<i>Социологическая амбивалентность</i>	141
<i>Георг Зиммель о зависти</i>	143
<i>Ревность или зависть?</i>	144
<i>Недовольство преимуществами других</i>	146
<i>Социология сексуальной ревности</i>	146
<i>Слепое пятно в отношении зависти в современных науках о поведении</i>	148
<i>Теории враждебности</i>	152
<i>Вина жертвы</i>	154
<i>Откуда берется идеал общества независтливых и равных?</i>	156
ГЛАВА 8. ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СОВЕРШАЕМЫЕ ИЗ ЗАВИСТИ	161
<i>Убийство из зависти.</i>	161
<i>Вандализм</i>	167
<i>Завистливое строительство</i>	170
<i>Насилие из мести</i>	171
Глава 9. ЗАВИСТЬ БОГОВ И КОНЦЕПТ СУДЬБЫ	175
<i>Возвращение Агамемнона</i>	177

<i>Греческая идея судьбы</i>	178
<i>Немезида</i>	183
<i>Действуя перед лицом божественной зависти</i>	185
<i>«Удовольствия запрещены!»</i>	188
<i>Час судьбы в скандинавской мифологии</i>	190
<i>Стыд и вина</i>	192
<i>Религия без зависти</i>	194
<i>Этика Нового Завета и современный мир</i>	196
ГЛАВА 10. ЗАВИСТАЛИВЫЙ ЧЕЛОВЕК В ЛИТЕРАТУРЕ	199
<i>Герман Мелвилл</i>	199
<i>Нежелание приписывать зависть</i>	204
<i>Слепое пятно у исследователей Мелвилла в отношении мотива зависти в «Билли Бадде»</i>	205
<i>Эжен Сю: «Фредерик Бастьен: зависть»</i>	210
<i>Психотерапия зависти</i>	213
<i>«Зависть» Юрия Олеши: проблема зависти в советском обществе</i>	215
<i>Зависть и комиссар</i>	217
<i>«Меня не любят вещи»</i>	218
<i>Утопический роман</i>	
<i>А. П. Хартли «Справедливость налицо»</i>	220
<i>Центр по выравниванию (лиц)</i>	223
<i>Зависть и равенство в Утопии</i>	223
<i>Чосер и Мильтон</i>	229
<i>Завистливые интриги среди интеллигентов</i>	232
ГЛАВА 11. ЗАВИСТЬ КАК ПРЕДМЕТ ФИЛОСОФИИ.	235
<i>Аристотель</i>	235
<i>Фрэнсис Бэкон</i>	236
<i>Тактика против зависти</i>	237
<i>Закладная в мировом банке фортуны?</i>	239
<i>Адам Смит</i>	241
<i>Иммануил Кант</i>	242
<i>Психология неблагодарности</i>	245
<i>Шопенгауэр о зависти</i>	249
<i>Серен Кьеркегор</i>	251
<i>Эпоха выравнивания</i>	253
<i>Фридрих Ницше</i>	256
<i>Зависть у древних греков</i>	258
<i>Schadenfreude</i>	259
<i>Рессентимент</i>	261
<i>Макс Шелер</i>	263
<i>Рессентимент и месть</i>	264
<i>Типы рессентимента</i>	266

<i>Николай Гартман</i>	267
<i>Социальный эвдемонизм</i>	268
<i>Эжен Рега</i>	269
<i>Зависть - возмущение</i>	272
<i>Зависть во Франции</i>	274
<i>Завистливые политические партии</i>	277
ГЛАВА 12. ПОЛИТИКА И УМИРОТВОРЕНИЕ ЗАВИСТИ	281
<i>Привлекательность зависти в политике</i>	283
<i>Зависть как ловушка для диктаторов</i>	289
<i>Основная ошибка социализма</i>	290
<i>Терновый венец из золота: президентские выборы 1896 года в США в контексте зависти</i>	292
<i>Призрак золота</i>	294
<i>Остракизм – демократия и зависть в Древней Греции</i>	297
ГЛАВА 13. ХВАЛА БЕДНОСТИ: ОТ ЗАКОНОВ О РОСКОШИ ДО ПРЕЗРЕНИЯ К ОБЩЕСТВУ ИЗОБИЛИЯ	305
<i>Истина и благосостояние</i>	306
<i>«Преступление» Гете</i>	307
<i>Социальный агностицизм</i>	309
<i>Высокие доходы: «социально справедливые» в социалистическом обществе дефицита, «несправедливые» в «капиталистическом» обществе изобилия</i>	310
<i>Роскошь</i>	312
<i>Запреты на роскошь</i>	315
<i>Предаваться роскоши – значит провоцировать зависть</i>	317
<i>«Нескромное потребление»</i>	318
<i>Каким образом роскошь остается политически приемлемой</i>	321
<i>Культ бедности</i>	323
<i>Хилиастические движения</i>	327
ГЛАВА 14. ЧУВСТВО СПРАВЕДЛИВОСТИ И ИДЕЯ РАВЕНСТВА	333
<i>Чувство несправедливости</i>	335
<i>Рессентимент и требование равенства</i>	338
<i>Свобода и равенство</i>	341
<i>Везение и невезение, удача и возможность</i>	342
<i>Удовлетворение</i>	344
<i>Равенство возможностей</i>	345
<i>Неравенство возможностей как алиби</i>	348

«Социальная справедливость» – частная медицина, но не частное образование	350
Зависть к жилищу	352
Фальшивое равенство и демонстративное потребление	354
Легитимная и нелегитимная зависть	355
Социализм и зависть	356
Как распознать оправданную зависть?	360
Завистливый человек в качестве доносчика	363
Общество, «очищенное от зависти»	364
Сочувствие к мятежнику	366
ГЛАВА 15. ВИНА ЗА НЕРАВЕНСТВО	369
Поль Турнье	370
«Социально разрешенный» отдых	374
Современное «решение»: виноват тот, кому завидуют	375
Непоправимая вина	377
Социальная справедливость	380
Мазохизм западного человека	382
Этика – чувства или разум?	383
«Любовь к дальнему» как оправдание отсутствия любви к ближнему	384
Эмоциональная потребность в подтверждении	386
Уязвимость классовой системы	388
ГЛАВА 16. ВЫДАЮЩИЕСЯ ЛИЧНОСТИ В ОБЩЕСТВЕ РАВНЫХ	391
Социальная совесть эгалитарной личности	394
Зарплата министров	395
Симона де Бовуар и Сартр	397
Артур Кестлер	398
Буть тем, что ты есть	400
Завистливый гость	401
Один из случаев, описанных Дэвидом Рисманом	403
ГЛАВА 17. УТОПИЯ: ОБЩЕСТВО, СПАСЕННОЕ ОТ ЗАВИСТИ	407
Чувство справедливости и свобода от зависти	408
Кибуц как лаборатория равенства	409
Форма будущего общества?	411
Проблема власти в кибуце	413
Мотивы основателей	416
Дети кибуца	417
Грех частной жизни	420

<i>Мартин Бубер и кибуцы</i>	422
<i>Ревность в группе</i>	424
<i>Свобода от зависти: задача для индивида, а не для общества</i>	426
<i>Утопии</i>	428
ГЛАВА 18. СОБСТВЕННОСТЬ — ЭТО КРАЖА?	431
<i>Экономическая политика наименьшей зависти для наибольшего количества людей</i>	433
<i>Экономика благосостояния</i>	436
<i>Означает ли социальная справедливость, что всем достанется меньше?</i>	440
<i>Частная собственность</i>	442
<i>Аренда вместо собственности</i>	446
ГЛАВА 19. СОЦИАЛЬНОЕ НЕГОДОВАНИЕ	451
<i>«Хлеб наш насущный даждь нам днесь»</i>	452
<i>Личная предусмотрительность — антисоциальна</i>	456
<i>Зависть между товарищами по несчастью</i>	458
ГЛАВА 20. ЗАВИСТЬ КАК СБОРЩИК НАЛОГОВ	461
<i>Прогрессивное налогообложение</i>	463
<i>Этнографические данные, важные для понимания причины радикальной налоговой прогрессии</i>	467
ГЛАВА 21. СОЦИАЛЬНЫЕ РЕВОЛЮЦИИ	471
<i>Типы революционной ситуации</i>	473
<i>Антиколониальные движения</i>	474
<i>Мишени зависти до революции</i>	475
<i>Освальд Шпенглер о революции</i>	478
<i>Инновации и роль завистливого человека</i>	480
<i>Культурные контакты</i>	483
<i>Зависть и Французская революция</i>	485
<i>Примитивные бунтари и «социальные разбойники»</i>	487
<i>Зависть как фактор истребления населения в развивающихся странах</i>	489
ГЛАВА 22. ТЕОРИЯ ЗАВИСТИ В ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЖИЗНИ	493
<i>Власть, окультуренная завистью</i>	496
<i>Пределы зависти</i>	498
<i>Давление зависти как цивилизующий фактор</i>	500
<i>Значение зависти в филогенезе человека</i>	502
<i>Капитуляция перед завистниками</i>	506

От издателя

Серию ИРИСЭН «Социология» продолжает книга Гельмута Шёка «Зависть: теория социального поведения» — одна из немногих работ в мировой социологии, посвященных этому фундаментальному феномену общественной жизни человека.

Гельмут Шёк (1922—1993), немецкий ученый австрийского происхождения, отличался исключительной широтой интеллектуальных интересов. В юности он изучал медицину, психологию, философию и социологию; именно социологической тематике была посвящена его докторская диссертация. Начиная с 1950 г., в течение 15 лет он жил и работал в США, преподавая философию и социологию в ряде университетов, а также занимаясь научными переводами. В 1965 г. он вернулся в Германию, где вплоть до своей отставки в 1990 г. был профессором в Университете Иоганна Гуттенберга в Майнце. Таким образом, безусловно принадлежа к немецкой традиции в социальных науках, Г. Шёк находился в самом тесном контакте с американской и, шире, англо-саксонской социологической традицией. Книга «Зависть» вышла в 1966 г. первоначально на немецком языке под названием *Der Neid. Eine Theorie der Gesellschaft*; английское издание, с которого выполнен предлагаемый вашему вниманию перевод, вышло три года спустя.

В своей книге Г. Шёк всесторонне рассматривает фундаментальный процесс человеческой психики, состоящий в сравнении себя самого с другими людьми и прослеживает социальные последствия той отрицательной эмоции, которая возникает при неблагоприятном результате этого сравнения. Он показывает, что зависть и страх перед завистью других являются неустраняемыми элементами человеческих отношений, а несходные результаты, к которым они приводят в разных обществах, во многом определяются тем, каким образом присутствующие в соответствующих культурах представления и концепты регулируют, канализируют и усмиряют проявления зависти. В частности, на многочисленных примерах, взятых из сферы культурной антропологии, в книге ярко продемонстрировано, как многие социальные нормы, действующие в так называемых развивающихся странах и представляющие собой

институционализированную зависть, оказываются непреодолимым препятствием на пути из нищеты к благополучию.

Значительное место автор уделяет роли зависти в современной политике и институтах современных развитых обществ, особенно в период расцвета интервенционистской и социалистической политики после Второй мировой войны. Он убедительно показывает, что перераспределительные меры, направленные вроде бы на умиротворение зависти низших классов, приводят к прямо противоположным результатам, легитимизируя и поощряя зависть в обществе, где ранее она находилась в узде жестких социальных норм. В конечном счете это не только ведет к замедлению экономического роста, но и глубоко травмирует общественные нравы и индивидуальную психику. Хотя Г. Шёк в силу естественных причин не мог использовать материалы, относящиеся к современным постсоветским странам, мы легко можем узнать описываемые им явления в окружающей нас общественной и политической жизни.

Книгу Г. Шёка «Зависть» характеризует междисциплинарный подход — автор привлекает материал антропологии, этнографии, глубинной психологии (психоанализа), литературоведения, экономической истории, истории философии и других дисциплин. Большой интерес представляет его попытка разобраться в причинах игнорирования проблемы зависти в современной социологической и гуманитарной научной литературе.

Не со всеми утверждениями автора можно безусловно согласиться — в частности, у читателя, знакомого с современной экономической теорией, скорее всего вызовет сомнения тезис автора об определенной благотворной роли зависти в механизме поддержания социальных норм, необходимых для всякого общественного сотрудничества. Но это тот случай, когда даже несогласие играет благотворную роль, заставляя нас более четко формулировать собственные предпосылки и выводы.

Книга Г. Шёка «Зависть: теория социального поведения», несомненно, входит в золотой фонд современной западной социологии. Редакционный совет серии надеется, что ее выход на русском языке принесет существенную пользу российским исследователям и широкому кругу читателей, интересующихся общественными науками.

Валентин ЗАВАДНИКОВ
Председатель редакционного совета
Март 2008 г.

Глава 1

ЧЕЛОВЕК ЗАВИДУЮЩИЙ

На протяжении всей истории, на всех стадиях культурного развития, в большинстве языков и в чрезвычайно сильно отличающихся друг от друга обществах люди сознавали наличие фундаментальной проблемы их существования и дали ей специальные названия: зависть и чувство того, кто является ее объектом.

Зависть — это энергия, которая находится в центре жизни человека в качестве существа социального; она возникает, как только два индивида начинают сравнивать себя друг с другом. Это стремление завистливо сравнивать себя с другими можно найти и у некоторых животных, но у человека оно приобрело специальное значение. Человек — завистливое существо, и он был бы не способен построить социальные системы, к которым сегодня принадлежим все мы, если бы не социальные запреты, активизируемые внутри объекта его зависти. Если бы мы не были вынуждены постоянно учитывать зависть других людей к чрезмерному удовольствию, которое накапливается у нас по мере отклонения от социальной нормы, «социальный контроль» не мог бы существовать.

Человек завидующий, однако, может перестараться и вызвать или дать толчок запретам, которые будут сдерживать возможности группы адаптироваться к новым внешним проблемам. Зависть также может побудить человека к разрушениям. Почти вся литература, которая до сих пор лишь фрагментарно занималась завистью (художественная литература, публицистика, философия, теология, психология), постоянно обращала внимание на ее деструктивный, репрессивный, бесплодный и мучительный характер. Во всех человеческих культурах, во всех сказках и поговорках чувство зависти осуждается. Завистливого человека всегда призывают стыдиться. Однако его существование, или вера в его вездесущность, в то же время всегда вызывало достаточно латентного страха перед мнением других людей, чтобы обеспечить эволюцию системы социального контроля и поддержания баланса.

Хотя некоторые современные психологические школы практически вычеркнули слово «зависть» из своего словаря, как если бы она просто не существовала в качестве первичного источника мотивации, доступные нам свидетельства не оставляют сомнений в ее универсальности. Почти во всех языках, начиная с языков наиболее примитивных народностей до индоевропейских языков, арабского, китайского и японского, всегда имеется термин, обозначающий зависть или завистливого человека. Пословицы самых разнообразных культур высказываются о зависти в сотнях различных форм. На нее обращали внимание философы и авторы афоризмов. Например, зависть имела особое значение для Кьеркегора, который даже приписывал зависть тем, кто вызывает зависть в других. Зависть часто играет роль — иногда существенную — в художественной литературе, и каждый из нас сталкивался с завистью в своей жизни. Зависть — великий регулятор всех личных отношений; страх вызвать ее сдерживает и модифицирует бесчисленное количество действий.

Учитывая ключевую роль, которую зависть играет в жизни человека, и то, что не требовалось никаких специальных концептуальных усилий, чтобы ее выявить, поистине удивительно, как мало посвященной ей литературы. Это статья Фрэнсиса Бэкона, небольшая книжка француза Эжена Рэга (Eugene Raiga), написанная в конце 1920-х гг., и приблизительно того же времени русский роман «Зависть»; кроме этого, можно вспомнить роман практически забытого французского писателя XIX в. Эжена Сю, несколько афоризмов Ницше и одно исследование Макса Шелера, которое, впрочем, относится скорее к конкретному случаю ressentiment, а не к зависти как таковой.

Эта книга может возмутить многих читателей, придерживающихся самых разнообразных взглядов на социальные и политические проблемы. Я считаю тем не менее, что могу доказать два тезиса: во-первых, что зависть носит гораздо более универсальный характер, чем это признавалось до сих пор, и, более того, исключительно зависть делает возможным какое бы то ни было социальное взаимодействие; во-вторых, я тем не менее полагаю, что зависть в качестве скрытой или явной точки опоры социальной политики носит куда более деструктивный характер, чем согласились бы признать те, кто сфабриковал свою социальную и политическую философию из зависти.

То, что человек потенциально завистлив по отношению к собратьям и степень его зависти растет пропорционально его близости к ним, — это один из самых неприятных, часто один из самых тщательно скрывааемых, но от этого не менее фундаментальных фактов человеческой жизни на всех уровнях культурного развития. Ошибки, историческая ограниченность многих уважаемых экономических и социально-философских теорий становятся очевидны вместе с осознанием того, насколько они зависят от предположения, что человеческая зависть является продуктом произвольных, случайных и чисто временных обстоятельств и, в частности, результатом резкого неравенства, который может исчезнуть, как только это неравенство будет устранено, — иными словами, что от нее возможно излечиться навсегда.

Большая часть достижений, которые отличают членов современных, высокоразвитых и дифференцированных обществ от членов примитивных обществ, — коротко говоря, развитие цивилизации — это результат бесчисленных поражений, нанесенных зависти, т.е. человеку как существу завистливому. И то, что марксисты называли религиозным опиумом, — способность давать надежду и радость верующим, чьи материальные обстоятельства резко различаются, — это не более чем сумма идей, освобождающих завистника от зависти, а объект его зависти — от чувства вины и страха перед завистниками. Хотя марксисты выделили эту функцию правильно, их доктрины отличаются слепотой и наивностью в решении вопроса о зависти в обществе будущего. Трудно понять, каким образом совершенно секулярное и абсолютно эгалитарное общество, которое нам обещает социализм, сможет когда-либо решить проблему латентной зависти в обществе.

Однако на роль, которую играет в обществе зависть, оказывают влияние не только философские и идеологические детерминанты культуры, но также социальные структуры и процессы, отчасти выведенные из идеологических факторов или опирающиеся на них.

Мир с точки зрения завистника

Вначале мы должны посмотреть на мир так, как его видит завистливый человек. Определенная предрасположенность к

зависти является частью физического и социального аппарата человека, недостаток которой во многих ситуациях приведет просто к тому, что другие его растопчут. Мы используем наше латентное чувство вины, например, когда анализируем социальные системы с точки зрения их эффективности. Перед тем как присоединиться к ассоциации или пойти на работу в какую-то фирму, мы стараемся определить, есть ли в их внутренней структуре что-либо, что могло бы возбудить сильную зависть в других или в нас самих. Если это так, то, вероятно, такая организация не слишком хорошо приспособлена к определенным функциям. В недавнем прошлом некоторые американские колледжи и университеты пробовали привлечь к преподаванию знаменитых ученых, обещая им зарплаты примерно в два раза выше, чем обычно получает университетский профессор. Я знаю несколько случаев, когда люди были не в состоянии заставить себя принять такое предложение, потому что, как они сами рассказывали, им была непереносима мысль о том, что они станут объектом зависти для коллег по факультету.

Кроме того, потенциальная зависть — это существенная часть багажа человека, если он должен быть способен к проверке справедливости и честности решений множества проблем, случающихся в его жизни. Очень мало кто из нас в отношениях с сотрудниками, коллегами и т.п. способен занять позицию сознательного игнорирования существования зависти, подобную той, которой придерживался хозяин виноградника в библейской притче о работниках в винограднике. Вне зависимости от того, насколько сам менеджер по персоналу или директор завода является зрелой и не подверженной зависти личностью, когда ему нужно заниматься табуированными вопросами зарплаты или требований к сотрудникам, он обязан уметь точно оценить, какого рода меры допустимы с учетом общей тенденции к взаимной зависти.

Феномен, описываемый словом «зависть», — это фундаментальный психологический процесс, который неизбежно предполагает социальный контекст: сосуществование двух или более индивидов. Есть мало понятий, которые являются такой же неотъемлемой частью социальной реальности и при этом так подчеркнута игнорируются научными категориями наук о поведении. Если я подчеркиваю значение зависти как чистого понятия, репрезентирующего базовую проблему, это не значит,

что я считаю, что это понятие, или теория роли зависти, объясняет все в человеческой жизни, обществе или культурной истории. Существуют различные иные связанные с ним понятия и процессы, а также различные иные аспекты социальной жизни человека, которые нельзя объяснить ссылкой на его способность к зависти. Человек — это не только *Homo invidiosus* (Человек завидующий). Он также *Homo ludens* (Человек играющий) и *Homo faber* (Человек умелый); однако то, что он способен быть членом устойчивых групп и обществ, в основном объясняется тем, что он постоянно находится под влиянием стремления, часто неосознанного, завидовать всем, кто отклоняется от нормы.

Если мы признаем роль зависти, нам нужно разоблачить этот феномен, как секс был разоблачен психоанализом. Однако я не хочу создать впечатления, что я рассматриваю склонность к зависти как универсальную и абсолютную причину: зависть не объясняет всего, но проливает свет на большее количество вещей, чем люди были готовы допустить или даже увидеть до сих пор.

Зависть имеет то преимущество над современными терминами вроде амбивалентности, релятивной депривации, фрустрации или классовой борьбы, что как понятие она имеет донаучное происхождение. Веками, даже тысячелетиями бесчисленные люди, никогда не считавшие себя социологами, последовательно и единодушно наблюдали одну из форм поведения — зависть, которую они описывали словами, часто этимологически эквивалентными тем же словам в других языках¹.

¹ Бронислав Малиновский как-то раз подверг критике склонность скрывать за претенциозными неологизмами конкретные явления, для которых у нас есть вполне подходящие термины: «Я должен признаться, что с точки зрения полевого исследования мне никогда не было вполне ясно, каким образом мы собираемся проверять, измерять и оценивать некоторые внушительные, но расплывчатые явления: эйфорию и дисфорию... Когда мы пытаемся перенести состояние удовлетворения... на конкретные случаи, мы имеем дело не с общим состоянием сознания, а с такими индивидуальными факторами, как личный рессентимент, уязвленное самолюбие, ревность, экономическое недовольство... Как бы то ни было, почему бы не изучать конкретные и детальные проявления рессентимента и удовлетворения вместо того, чтобы прятать их

Исчерпывающее исследование зависти в ее активной и пассивной роли в социальной истории необходимо не только потому, что эта эмоция и мотивационный синдром являются ключевыми в жизни индивида; это также значимо для политики, поскольку правильная или неправильная оценка феномена зависти, пере- или недооценка ее влияния, и прежде всего необоснованные надежды на то, что мы можем так устроить жизнь общества, чтобы создать свободных от зависти людей или свободное от зависти общество, — все это соображения, имеющие непосредственное политическое значение, особенно там, где это затрагивает вопросы экономической и социальной политики.

Если бы зависть была не более чем одним из психологических состояний, таких, как ностальгия, желание, беспокойство, отвращение, скупость и т. п., можно было бы согласиться с тем, что в целом большинство людей знают, что такое зависть и что с ней связано. Но и в этом случае систематическое описание всего, что мы знаем о зависти, и создание на базе этого последовательной теории было бы достойной задачей, имеющей большое значение для различных областей науки, в том числе детской психологии, теории образования и психотерапии. Эта книга также представляет собой попытку это сделать. Однако настоящий анализ потенциала человеческой зависти, осознание ее универсальности и устойчивости могло бы в будущем помочь определить, насколько здравый смысл проявляется и во внутренней социальной и экономической политике парламентских демократий, и в их отношениях с так называемыми развивающимися странами. Как будет показано, мы по крайней мере в состоянии действовать разумно в сфере экономики и социальных вопросов тогда, когда мы сталкиваемся (или считаем, что сталкиваемся) с завистливым получателем выгоды от нашего решения. Это верно особенно в тех случаях, когда мы ошибочно полагаем, что его зависть — это прямое следствие нашего более высокого уровня благосостояния, и она неизбежно сойдет на нет, если мы будем потворствовать его требованиям даже, нереалистичным. В любом обществе распределение дефицитных, ресурсов редко бывает оптимальным тогда,

за написанными крупными буквами словами «эйфория» и «дисфория»» (из предисловия к: Н. Ian Hogbin, *Law and Order in Polynesia*, London, 1934, pp. xxiv ff.; Hamden [Conn.], 1961).

когда наше решение зависит от страха перед завистью со стороны других людей.

Одиночество завистливого человека

Степень, в которой зависть является социальной, т.е. необходимостью, направленной на кого-то другого формой поведения, хорошо видна из того, что в отсутствие других завистник не имел бы возможности завидовать. Однако, как правило, он явно отвергает любые взаимоотношения с тем, кому он завидует. Любовь, дружелюбие, восхищение — такое отношение к человеку включает ожидание взаимности и признания, оно стремится установить какую-нибудь связь. Завистнику не нужно ничего из этого: кроме исключительных случаев, он не хочет, чтобы объект его зависти, с которым — при наличии такой возможности — он не вступал бы ни в какие отношения, признал его завистником. Чистый акт зависти можно описать таким образом: чем более интенсивно и пристально внимание завистника к другому человеку, тем больше он замыкается в жалости к самому себе. Никто не может завидовать, не зная объекта зависти или, по крайней мере, не представляя себе его; однако, в отличие от других типов эмоциональных отношений между людьми, завистник не может ожидать взаимности. Он не хочет, чтобы ему завидовали в ответ.

Однако, как люди всегда осознавали, завистник не очень заинтересован в том, чтобы что-либо ценное перешло из собственности того, кому он завидует, в его собственность. Он хотел бы, чтобы другого ограбили, лишили имущества, раздели, унизили, чтобы ему причинили боль, но он практически никогда не представляет себе в подробностях, как он мог бы завладеть состоянием другого. Завистник в чистом виде — не вор и не мошенник по отношению к объекту зависти. Кроме того, там, где зависть вызывают личные качества другого человека, его квалификация или репутация, вопрос о краже не может возникнуть; завистник может, однако, лелеять надежду, чтобы другой человек потерял свой голос, свои способности виртуоза, красоту или честь.

Мотивы для зависти и стимулы, вызывающие это чувство, повсеместны, и интенсивность зависти больше зависит не от размера стимула, а от социального неравенства завистника и

того, кому завидуют. Та личностная зрелость, которая позволяет человеку победить в себе зависть, как представляется, достигается не везде и не всегда. В таком случае причины того, что в разных обществах зависть бывает более или менее эффективной, следует искать в этосе соответствующих культур. И завистник, который должен каким-то образом примириться с проявлениями неравенства в его жизни, и объект его зависти, когда он пытается не обращать внимания на завистника (оба этих процесса иногда могут одновременно протекать внутри одной и той же личности), будут использовать религиозные убеждения, идеологии, пословицы и т.п., стремясь редуцировать власть зависти и тем самым позволить обычной жизни продолжаться с минимальным уровнем трения и конфликтов.

Везение и невезение

То, что только удачливые люди (богатые наследники или разбогатевшие в силу благоприятного стечения обстоятельств) кровно заинтересованы в идеологии, которая запрещает зависть, — неправда, хотя многие критики социальных порядков хотели бы, чтобы мы считали это правдой. На самом деле такая идеология гораздо более важна для склонного к зависти человека, который может начать заниматься собственной жизнью только после того, как он изобрел какую-нибудь собственную теорию, которая отвлекает его внимание от достойной зависти удачи других и направляет его энергию на реалистические и доступные ему цели.

Одно из верований, способных подавить зависть, — это концепт «слепой богини» Фортуны. Человек либо удачлив, либо неудачлив, и то, какой номер он вытягивает в жизненной лотерее, не связано с везением или невезением его соседа. В мире имеется, так сказать, неистощимый запас везения и невезения. Самые завистливые племенные культуры — такие, как добуан (добоан) и навахо, — действительно не имеют концепта удачи вообще, как и концепта шанса. В таких культурах, например, ни в кого не ударяет молния, иначе как по злой воле недоброжелательного соседа-завистника.

Нелегко по общему характеру культуры сделать заключение об уровне развития или о ее экономических институтах,

например, о том, какие из их элементов считаются неуязвимыми для зависти, а какие наиболее уязвимы. Почти повсеместно распространено мнение, что универсальные ценности, такие, как здоровье, юность, дети, следует защищать от «дурного глаза», активного выражения зависти, и это очевидно в пословицах и моделях поведения, которые используются многими людьми для самозащиты. Вероятно, можно уверенно предположить, что у индивидов внутри одной культуры имеется небольшой потенциал зависти по отношению к тем ценностям и к тому неравенству, которые служат для объединения общества, например, по отношению к той формальной пышности и роскоши, которая окружает главу государства (ее, в частности, все еще демонстрируют некоторые королевские дома Европы)².

Способность к зависти — это психосоциальная данность, которая часто сопровождается выраженными соматическими побочными явлениями. Эмоция зависти может рассматриваться как проблема индивидуальной психологии, но дело не только в этом и даже совсем не в этом; зависть — это первостепенная социологическая проблема. Как возможно, что такой базовый, универсальный и высокоэмоциональный элемент человеческой психики как зависть, а также страх перед завистью или, по крайней мере, постоянная бдительность в этом отношении, могут приводить к таким разнообразным социальным последствиям в различных культурах? Есть культуры, помешанные на зависти; ей приписывается практически все, что происходит. Но есть и другие, которые, вероятно, в значительной степени сумели подавить и укротить ее. Почему возникают такие различия? Может быть, дело в различной частоте определенных типов личности и характера? В этом направлении указывает значительная часть исследований. Вполне может быть, что некоторые культурные модели поощряют задавать тон в обществе либо завистливых, либо

² Группой, которую в 1966 г. можно было бы классифицировать как досаждующую на монархию и демонстрацию королевской роскоши, были Amsterdam Provos. Спор о том, может ли монархия по-прежнему не вызывать зависти в обществе, развернулся между Эдвардом Шилсом и Норманом Бирнбаумом (см. E. Shils and M. Young, "The Meaning of the Coronation," in *The Sociological Review*, Vol. I, December 1953, pp. 63–81; и N. Birnbaum, 'Monarchs and Sociologists,' *idem*, Vol. III, July 1955, pp. 5–23).

менее завистливых; но это все равно не объясняет, за счет чего в конкретной культуре первоначально возникает та или иная тенденция.

Хотя «зависть» существует в нашем языке как абстрактное существительное и именно так используется в литературе, строго говоря, такой вещи, как зависть, не существует. Есть люди, которые завидуют, и даже люди, которые склонны завидовать; мы можем наблюдать в себе и других эмоциональные побуждения, которые можно назвать чувством зависти, но невозможно испытать зависть как эмоцию или настроение так же, как мы чувствуем тревогу или грусть. Зависть в большей степени можно сравнить с состоянием, которое мы испытываем, когда боимся; мы завидуем чему-либо или кому-либо так же, как мы боимся чего-либо или кого-либо. Зависть — это направленное чувство; оно не может возникнуть без цели, без жертвы.

Восприимчивость к зависти гораздо больше свойственна человеку, чем любому другому животному. Главной причиной этого является длительное детство, которое гораздо дольше, чем детство животного, и подвергает человека испытанию внутрисемейной братской зависти. В редких случаях, например в стихах, зависть призывают как стимул, как нечто возвышенное и конструктивное. В таких случаях поэт неправильно выбирает слова; на самом деле он имеет в виду соперничество. По-настоящему завистливый человек никогда не рассматривает вариант вступления в честное соревнование.

Зависть как таковая в конкретном смысле слова существует не больше, чем скорбь, радость, тревога и страх. Она состоит скорее из набора происходящих внутри человека психологических и физиологических процессов, которые указывают на определенные качества и которые, если их интерпретировать как части одного целого, совпадают со значением одного из этих абстрактных слов. В самых разных языках термин «зависть» резко отделяется от других похожих феноменов, однако показательно, насколько редко «зависть» была персонифицирована в изобразительном искусстве. Очевидно, что скорбь, радость и страх изобразить гораздо легче. Кроме того, зависть или завистливого человека нельзя показать безотнositельно к кому-либо или чему-либо другому. Мы можем изобразить радостного человека или человека, раздавленно-го горем, но практически невозможно изобразить человека

самого по себе так, чтобы каждый, кто смотрит на картину, немедленно понимал бы, что изображенный на ней — завидует. Для этого понадобилось бы нарисовать какую-нибудь сценку или использовать символы, связь которых с завистью очевидна всем, принадлежащим к данной культуре³.

Дело обстоит иначе, если зависть институционализована в социальной структуре. Зависть легче институционализировать, чем радость или желание. Мы соблюдаем дни национального траура и празднуем национальные праздники, но вряд ли возможно придать статус института какой-либо иной эмоции, кроме зависти. В качестве примеров зависти, проявляющейся в социальных формах, можно привести крутую шкалу прогрессивного налога, конфискационный налог на наследство и соответствующие этому обычаи у примитивных народов, например институт муру у маори.

Зависть — это почти полностью психологический и социальный феномен. В концептуальном отношении она гораздо сильнее отличается от других или похожих на нее психологических процессов, чем вытекающие из нее процессы, которые сегодня науки о поведении используют в качестве концептуальных субститутов зависти. Агрессия, амбивалентность, враждебность, конфликт, фрустрация, релятивная депривация, напряжение, трение — все эти термины оправданны, но их не следует использовать для того, чтобы скрыть или замаскировать базовый феномен зависти. До конца XIX в., даже в поколении наших родителей, большинство тех, кто писал об этой стороне человеческой природы, были хорошо знакомы с завистью как с четко очерченным феноменом. Не во всех культурах есть такие понятия, как «надежда», «любовь», «справедливость» и «прогресс», но почти все народы, включая наиболее примитивные, сочли необходимым определить ментальное состояние человека, который не может терпеть того, что другой обладает каким-то умением, вещью или репутацией, которой нет у него

³ Раньше зависть (или завистливый человек) иногда изображалась в виде человека верхом на собаке с костью в зубах; например, иллюстрация «Зависть» на с. 14 книги Heinz-Günter Deters' *Die Kunst der Intrige* («Искусство интриги»), Hamburg, 1966. Это гравюра из серии под названием «Семь смертных грехов», выполненная неизвестным мастером из региона Констанца ок. 1480–1490 гг., собрание венской Альбертины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru